

Мастер-класс по магии Земли и офуда: Огромный дуб

Чин Ху

Чин несколько дней советовался с другими мастерами, затеявая этот мастер-класс. В итоге он решил, что настал правильный момент, когда все жители Линь Ян Шо могут внести свой вклад, приняв участие в интересном эксперименте. Он пришел на опушку дикого парка вместе с Ши Ньяо и стал дожидаться желающих.

В монастыре наступала весна. Солнце начинало припекать, на деревьях распускались листья, вишни и яблони в диком парке и вдоль ручья готовились расцвести. Только-только рассвело, и все вокруг было залито золотистым светом, в котором монастырь был особенно красив.

- Доброе утро, - сказал Чин, когда участники мастер-класса собрались. - Сегодня мы будем выращивать дуб. Те, кто хочет изучить магию Земли, получают задание от меня. Те же, кто практикуется в офуда, получают указания от сифу Ньяо, - он поклонился старшему по возрасту мастеру.

Чин присел и разгладил ладонью почву, заранее освобожденную от травы. Он сделал небольшую лунку и положил в нее обычный желудь, затем засыпал его сверху землей.

- Подходите ближе и положите ладони на землю. Сосредоточьтесь на энергии Манипуры - красной чакры, которая находится в основании позвоночника. Делитесь с ростком своей энергией, чтобы ускорить его рост. Следите за дыханием, передавайте энергию равномерно, не в ущерб себе. Нас здесь много, нашей энергии будет достаточно. Чувствуйте, как разрастаются корни и ветви дерева, как оно набирает силы.

Отвечаем после поста сифу Ньяо.

Ши Ньяо

- Доброе утро, - сказал Ньяо ученикам. - Те, кому не подвластна магия Земли, вместе со мной делают офуда для ускорения роста дерева.

Перед ним стоял низкий столик, на котором были сложены узкие полосы рисовой бумаги и кисти, а также тушечница с разведенной тушью.

- На листе бумаги пишем имя Желтого Императора - Хуанди, - Ньяо с помощью двух росчерков написал один под другим иероглифы заклинания - 黃帝. - Кто не владеет стилем цаоши, эти иероглифы пишутся так, - он взял следующий лист и уже строгим кайши, прорисовывая каждый элемент, вывел то же самое заклинание. - После этого лист с заклинанием нужно закопать в землю. Во время написания сосредоточьтесь на том, для чего вы готовите офуда. Сила вашего заклинания должна быть обращена к земле, чтобы она вырастила дуб.

Он подошел ближе к тому месту, где Чин посадил желудь, и примерно в полутора метрах от посадки прикопал оба листка с офуда в землю.

- Магия Земли подействует сразу, у вас на глазах, но офуда будут питать дерево еще несколько дней, и через неделю-другую оно станет намного выше, чем сегодня, - сказал Ньяо. - Подходите к столу, берите бумагу и кисти и делайте офуда.

Мастер-класс продлится до следующего воскресенья, 22.10. Приглашаются все, кто владеет магией Земли или офуда или хочет освоить какую-то из этих способностей. Отыгрыш пишется одним постом, 22.10 тема будет закрыта. Игровое время - ранняя весна, утро.

Шэн Бо

Шэн знала о том, что Чин и Ньяо затевают интересный мастер-класс, но для их задумки требовалось большое число участников. Не так просто заставить Землю - самую медленную стихию - ускорить рост дерева. Росткам не помочь, вытягивая их из земли.

Когда Чин объяснил суть задания, Шэн присела и положила ладони на почву. Магия Земли не была её главной специальностью, но тигрица неплохо ей владела. Она сосредоточилась на теплом и тяжелом ощущении красной энергии, шедшей по стоп к основанию позвоночника. Эта энергия согревала и заставляла кровь течь быстрее, она давала ощущение опоры, в ней рождалась надежда. Шэн почувствовала, где именно в почве находится желудь, и направила к нему свои собственные силы, чтобы дать дереву возможность пробиться через скорлупу, пустить росток, выглянуть из земли и устремиться вверх. Она не сэкономила силы, в тот день Шэн находилась в отличной форме и не планировала никаких подвигов на вечер.

Дыхание было глубоким и медленным. Шэн закрыла глаза, чтобы ни на что не отвлекаться, и просто питала росток дерева красной энергией. Она хотела оставить часть своей энергии монастырю, который когда-то стал для неё надежным убежищем. Судьба Шэн уже много лет была связана с Линь Ян Шо. У неё были обязательства перед родным кланом, она была замужем за наследником клана Королевских Кобр, но именно этот монастырь она считала своим домом, и именно сюда ей хотелось возвращаться, когда не было других дел. Она гоняла мастеров и преподавала сама, старалась помогать настоятелю и считала своим долгом охранять Линь Ян Шо. И сейчас ей было важно, чтобы в том дубе, который надолго раскинет свои ветви над опушкой дикого сада, была и её энергия тоже.

Лишь когда виски стали заметно болеть от напряжения, Шэн перестала отдавать свою энергию дереву, медленно вздохнула и встала на ноги.

Юншэн Лю

Юншэн не мог пропустить мастер-класс по магии Земли. Он даже не опоздал к началу, и потому успел выслушать все, что говорили мастера. Он любил изучать магию Земли, хоть она не всегда отвечала ему взаимностью, и даже отец говорил, что Лю-младший мог учиться прилежнее. Выбор между методом сифу Ху и сифу Ньфо был очевиден, ведь Юншэн никогда не имел дела с заклинаниями, и офуда

для него была чем-то между генетикой и квантовой физикой.

Почва была немного мерзлой и холодной. Весна только начиналась, и ночи были холодными, настолько, что вода в пруду покрывалась тонкой паутинкой льда, которая пропадала лишь посл восхода солнца. Корни растений пробивались через почву, жадно впитывая талую воду, природа оживала, перезимовавшие семена пробивались молодыми ростками. В диком саду набухали почки и созревали бутоны плодовых деревьев. Это время было лучшим, чтобы выращивать новое дерево.

Юншэн глубоко вздохнул, стараясь лучше почувствовать Муладхару. Он сел на Землю в позу лотоса, затем положил руки перед собой ладонями вниз и направил на росток дуба красную энергию. Почва должна была питать пробивавшиеся тонкими ниточками корни и поить их весенней водой. Дуб должен был набираться этих тяжелых красных сил, чтобы тянуться вверх, параллельно прорастая вглубь. Пить энергию Тибетского нагорья, впитывать силы магов Линь Ян Шо и расти.

Росток был маленьким, но Юншэн уже представлял, в какой большой дуб он мог превратиться. В зерне хранится идея. В желуде - идея огромного ветвистого дерева, которому нужен целый век, чтобы создать новый желудь. Энергия должна была копиться, чтобы шаг за шагом выращивать растение. Не подгоняя, не ускоряя, а лишь давая больше сил, чем могла дать красноватая тибетская почва, везде, кроме Линь Ян Шо, скупая на растительность. Юншэн отдавал красную энергию, тугую и липкую, чтобы она впитывалась в почву и шла к желудю вместе с весенними соками. Это были тонкие нити, капля в море, когда речь шла об огромном дубе, но именно из капель собирается это море.

Юншэн старался дышать медленно и глубоко, не теряя ощущения воронки красной энергии в основании позвоночника, от которой энергия поднималась по Сушумна-нади, протекала по рукам через пальцы и переходила в землю. Земля, служившая опорой, придавала сил. Земля, растившая дерево, эти силы тянула. Когда чаша весов пересилила, и Юншэн понял, что не может отдавать эту энергию без ущерба себе, он остановился.

Эрик Адлер

Чин говорил, что ему понадобится помощь, и Эрик согласился прийти на мастер-класс. Задание было интересным для мага Земли, потому что требовало большого количества сил. Идея вырастить за день или даже за неделю огромный дуб была очень амбициозной. Земля консервативна, она не любит спешить. Её нужно питать, уговаривать, и ждать в надежде, когда семена прорастут, а плоды созреют. Линь Ян Шо и так был чудом среди пустынного Тибета, где росли сакуры и яблони, и дикий парк превращался в заросли крупномеров.

Эрик дождался, когда начнется работа, затем сложил руки перед грудью, концентрируя энергию красного энергетического центра, который здесь называли Муладхара-чакрой. Земля была его основной стихией, и он считал, что отвечает за успех мастер-класса чуть больше, чем остальные. Красная энергия копилась, свиваясь вихрем. Она подпитывалась от почвы, на которой сидел Адлер, ей делились глубокие корни деревьев дикого сада. Затем эта энергия текла к кончикам пальцев горячим красным дегтем. Эрик положил ладони на землю, направляя

потоки энергии к ростку. Эта энергия текла медленно, как горячая лава по равнине, она должна была планомерно питать росток, бережно подкармливать его, ускоряя естественный рост. Желудь лопается, и ценой огромных усилий крошечный дуб пробивается вверх, ища выход из холодной влажной почвы. Скорлупа крошится, корни расползаются, впиваясь в землю, и тонкий ствол тянется к солнцу, рождая почки. Они набухают, листья рвутся наружу, распускаясь и ловя солнечные лучи, чтобы с помощью фотосинтеза кормить все растение. Росток ветвится, напивается силами, становится толще и крепче, а корни все вгрызаются в чуть мерзлую землю, ища воду и питание, удерживая новорожденное дерево в земле, чтобы его не вырвало первым же порывом ветра. Эрик закрыл глаза и сосредоточился на ощущении живой энергии растения, в которую перетекали его собственные силы через почву. Его ладони были горячими от энергии, и холодная весенняя почва их приятно остужала. Его дыхание становилось глубже и медленнее, будто это он был готов пустить корни, а не росток дерева.

Мышцы наливались тяжестью, спина и поясница начинали болеть. Эрик ждал, пока усталость не стала слишком сильной. Тогда он открыл глаза и отряхнул руки. Он сделал все, что мог, чтобы этот дуб наполнился силой, вытянул свои ветви к небу, а корни в глубину земли. И Эрику нравилось, что дерево собирало энергию многих жителей Линь Ян Шо, становясь немного воплощением каждого из них.

Ксифенг Чао

На мастер-класс по офуда Ксифенг засобиралась сразу же, как только узнала о его существовании. И боевой настрой омрачало только одно: на территории монастыря девушка ориентировалась пока ещё шатко. И не могла поклясться, что не проплутает невесть сколько времени сперва в поисках самого парка, а потом - уже внутри него, в попытках найти нужную поляну.

Вариантов дальнейших действий было два. Можно было разделить нужный участок монастыря на квадраты и ходить по нему цепью, пока не получится отыскать место проведения занятия. А ещё можно было скооперироваться с кем-нибудь, кто в парке уже бывал и знал, куда идти. С учётом того, что знающий человек у неё на примете был и даже не имел права отказаться, Ксифенг ни на миг не колебалась, делая выбор в пользу второго варианта.

Девушка постучалась к Эйнару в комнату и произнесла длинную, яркую речь, начинавшуюся с того, что учиться всегда замечательно, а заканчивавшуюся словами "потому что ты мой раб". С этих последних слов вообще-то и надо было начинать. Они многое сильно упрощали и просто ставили юношу перед тем фактом, что надо идти. Так Ксифенг и добралась до мастер-класса, наступая Эйнару на пятки и мысленно нахваливая саму себя за сообразительность. Уже на поляне девушка небрежно махнула рукой, подразумевая, что теперь её раб временно может заниматься чем хочет, пока не настала пора обратно идти, а сама подошла к столу и принялась внимательно следить за руками мастера.

Лёгкое, летящее, безотрывное цаоши пока что было Ксифенг не под силу. На взятом ею листе бумаги девушка принялась выводить нужные иероглифы строгим кайши, тщательно вырисовывая каждую черту с непрерывной мыслью о том, что вот эта черта должна набраться энергии от человека и передать её дереву для роста. И следующая тоже. Каждая должна. Когда Ксифенг закончила писать, у неё непривычно дрожали руки - казалось бы, всего два иероглифа, а ощущается так, словно написала намного больше. Девушка отнесла свой листок бумаги к тому

месту, где был посажен дуб, осторожно закрепила заклинание в земле и ещё какое-то время с вежливым удивлением смотрела, как у неё на глазах тянется вверх и крепнет росток - пока не заметила краем глаза, что Эйнар на сегодня тоже с учёбой закончил. Не тратя слов, Ксифенг, слегка рисуясь, щелкнула пальцами, подзывая юношу к себе, а потом всё так же молча указала в том направлении, откуда они пришли. Мол, а теперь води меня обратно, раб мой, я свои дела здесь закончила.

Эйнар Эспеланд

Эйнар честно ждёт, когда же Ксифенг начнёт требовать от него миллиард крупных и мелких услуг, литр крови каждый день и прочие проявления преданности. Ждёт с лёгким трепетом и замиранием сердца, каждый вечер думая: *забыла*. Это будет неудивительно. У девушки наверняка и без этого есть чем заняться.

Ксифенг же, однако, ничего не забывает. И появляется на пороге комнаты как раз тогда, когда Эспеланд начинает окончательно верить в то, что его клятва была принесена в пустоту и пропадает зря. Правда, сперва девушка пытается было вежливо попросить – но очень быстро вспоминает, какие у них с Эйнаром сложноподчинённые отношения, и немедленно начинает входить в роль хозяйки, что получается у неё отлично. Эспеланд с невольной улыбкой выслушивает последний убийственный довод, а затем, поддерживая их странную игру, с поклоном отвечает, что готов следовать за своей госпожой куда угодно. Правда, сегодня юноша оказывается в роли прокладывающего путь – Ксифенг требует провести её через дикий парк туда, где будет проходить мастер-класс. И, вероятно, её придётся там и ждать.

Догадка юноши подтверждается: Ксифенг всем своим видом подтверждает, что да, её нужно будет и обратно точно так же проводить. Зато девушка делает рукой жест, который Эйнар истолковывает как разрешение временно болтаться где и как ему заблагорассудится. И это, признаться, очень кстати – норвежец планирует по мере сил и сам помочь дереву расти. Юноша присоединяется к заметно более многочисленной группе людей, работающих с магией Земли. Подражая всем остальным, прижимает ладони к траве, опускаясь на колени, и прикрывает глаза, сосредотачиваясь на своей задаче.

Энергия красной чакры кажется Эйнару горячей и в то же время – тяжёлой, вязкой, похожей на густеющую, медленно пульсирующую кровь. Ассоциация не слишком приятная, но, вопреки очевидной логике, это скорее помогает юноше, чем мешает. Энергия уходит в землю вместе с потоком неразборчивых, путанных мыслей, мечущихся где-то между основным заданием и тянущимся следом за его выполнением цепочкой образов, сплошь в тёмно-алых тонах.

Эйнар пугливо отрывает ладони от земли, когда ему начинает казаться, что сейчас в траву, к корням дерева, питать росток, уйдёт вместе с энергией чакры и почти вся его кровь, а той, что останется, уже на жизнь не хватит. Эспеланд медленно поднимается с колен, пытаясь привести скачущие мысли в порядок – и в этот момент слышит хрусткий щелчок.

Ксифенг.

Мир моментально возвращается для юноши в прежние границы и категории: вот госпожа его, желание которой нужно выполнять, и плевать, как это смотрится со стороны. Эйнар вежливо улыбается, отделяваясь от мысли, что губы у него сейчас

наверняка белые, словно бумага, а может, и всё лицо тоже, и подходит девушке, готовый провожать её обратно, подчиняясь первому капризному жесту тонкой руки.

Эльза Линдемманн

Эльза заявляется на мастер-класс с принесенными из деревни штативом и камерой. И совершенно не уверена в том, что её тут же не развернут на все четыре стороны, но считает свою затею весьма и весьма стоящей того, чтобы рискнуть. Линдемманн слышала о том, что конечная цель мастер-класса – вырастить общими усилиями огромное дерево. И неизвестно, сколько времени уходит у других людей на то, чтобы получить снятый единым кадром рост дуба, от желудя до более-менее полноценного дерева, а вот немка имеет возможность получить эту уникальную запись за какой-то час. И не собирается от этой возможности отказываться. Куда потом этот кадр девать – вопрос второстепенный. Не пропадет уж точно. Девушка с ходу, не думая, готова назвать парочку вариантов его использования, а уж если сесть и основательно подумать, так и того больше наберется.

Так что – да, на занятие Эльза заявляется во всеоружии. Выбирает место, устанавливает штатив и нацеливается объективом камеры на место посадки жёлудя так, чтобы люди по возможности не попадали в кадр. Эльзу интересует именно что само дерево, а не то, за счёт чего оно растёт, бледных от напряжения и прекрасных магов Земли немка на записи видеть не хочет. Убедившись в последний раз, что камера поставлена верно и даёт хорошее, а главное, как раз нужное изображение, Линдемманн включает съемку и отходит к столику с бумагой. Девушка сюда пришла не только материал добывать, но и самой учиться. Самое время этим заняться, пока запись идёт.

Если каллиграфия Эльзой освоена весьма неплохо, то вот об офуда девушка имеет довольно смутное представление. Перед началом занятия Линдемманн, конечно, успевает пробежаться по интернету и прочесть несколько посвящённых этой теме страниц, но живой пример ничто не заменит. Внимательно выслушав мастера Ньяо, Эльза берет полоску бумаги, кисть – и аккуратным, красивым, строгим кайши выводит на бумаге требуемые иероглифы, одновременно стараясь думать так, чтобы правильные мысли правильно передали земле правильную энергию. В голове девушки эти "правильные мысли" упорно выглядят как просьба – обращение к Хуанди, Жёлтому Государю, чтобы августейший правитель милостью своей даровал этой земле плодородие и силу, способные превратить крохотный жёлудь в могучий дуб... Как кажется Эльзе, её сосредоточенность должна выглядеть именно так, и слова просьбы по большей части складываются в голове сами собой, словно мозг берёт их из каких-то домашних заготовок. Закончив писать, девушка берёт свою полоску бумаги, приближается к месту посадки желудя и, стараясь самой не попасть в кадр и всё не испортить, прикапывает заклинание в земле, на близком, но все же почтительном расстоянии от будущего дерева. На этом учёба вроде как заканчивается, так как ни браться за магию Земли, от чертить второе заклинание немка не планирует, а Эльза возвращается к своей видеокамере и терпеливо ждёт, когда мастер-класс закончится и для всех остальных, чтобы можно было остановить запись и отсмотреть, что в итоге получилось заснять и насколько полученный результат расходится с розовой мечтой.

Юэ Шэ

Юэ поклонилась наставнице с жестом почтения, когда увидела, что та пришла на этот мастер-класс. Она не ожидала увидеть здесь Бо-джи и даже немного

смутилась. Но сифу была занята работой с энергией, и Юэ сосредоточилась на задании.

Она не была сильна в магии Земли. Эта способность была традиционной для клана, но девушка развивала в себе стихию Воздуха, отчего противоположный элемент давался потом и кровью. Юэ села в позу лотоса, закрыла глаза и представила, что низ её позвоночника наполнен алой тяжелой энергией. От области Муладхары в землю уходили глубокие красные корни, которые искали влагу, тянули силы и копили красную ци. Эта ци свивалась змеей в основании Сушумна-нади, затем поднималась вверх, разгоняя кровь и согревая, чтобы от уровня Анахаты пройти к ладоням и отправиться снова в почву, на этот раз к ростку дерева. Энергия Юэ была тонкой ниточкой, слабым подспорьем для огромного дерева, но море состоит из капель, а гора - из песчинок.

Девушка сосредоточилась на своем дыхании, медленном и глубоком. Она чувствовала физическую тяжесть от работы с магией Земли, которая каждый раз казалась попыткой сдвинуть гору, когда та двигаться не хочет. Внешний ключ Земли - стабильность, внутренний - надежда. Пока Юэ не знала, в чем она должна найти эти ключи для себя. Она нарушила правила, принятые в клане, но считала, что была права. Она была тигром с крыльями, в этом была её сила, и в этом была её слабость. Она не могла продвигаться по рельсам, которые были заложены до нее и назывались традиционной подготовкой воинов клана. Все традиционное закончилось после сдачи экзамена.

Поток энергии ослабевал, и Юэ перестала её передавать, почувствовав слабость. Она сделала все, что могла, чтобы дерево выросло чуть-чуть быстрее. А заодно и нашла возможность попрактиковаться в способности, которая каждый раз становилась сложным испытанием.

Ян Лю

Ян пришел для того, чтобы посмотреть, как будет работать Юншэн. Сам он всем своим видом показывал, что ему как бы все равно до этого мероприятия, но раз уж он здесь, то нужно что-то сделать. Юншэн работал, Земля была его основной стихией. Ян изучал эту магию уже в куда более зрелом возрасте, когда не изучать не мог. Просто господин Ириарте был уверен, что черты характера мага Земли Яну помогут стать человеком. Это было неотвратимо, как шесть глоков, мотивировавших Лю жениться на Шири. Он в итоге был не в обиде, и Лин с Юншеном были тому подтверждением, но сам факт.

У будущего большого дерева собрались даже тигрицы. Ян взглянул на белогривого цербера, которая работала так ответственно, как будто выращивала дерево одна, затем на её ученицу, которая не делала такое сложное лицо. Были здесь и тяжеловозы: супруг Руж был одним из сильнейших магов Земли в монастыре, и своими силами мог прикрыть отсутствие старания у пятка тунейдцев.

Лю опустил на колени и положил ладонь на землю. С этой стихией нужно было договариваться. Мол, что ты, я совсем тебя не тороплю, что прошу тебя за день вырастить вековой дуб. Просто как стабилен желудь, так будет стабилен большой-большой дуб. Из одной стабильности в другую, просто нужно вбухать в это

побольше красной энергии. Лю считал, что знал о переговорах со стихией Земли все, потому что для него эта стихия принимала антропоморфные черты тестя. Лю умел с ним договариваться. Пару раз убедил. Один раз даже переспорил. А это почти как передвинуть Тибетское плато куда-нибудь в Казахстан. Ну, может чуть сложнее. Да что там говорить, Лю выжил после того, как совратил Шири, втянул её в разборки в пекинской магией, чуть не угробил, заделал ей ребенка и исчез на три месяца. И господин Ириарте просто очень серьезно с ним поговорил, потому что иначе Шири могла расстроиться.

В этом вся Земля: если нарушена одна стабильность, она стремится создать другую, еще более прочную. Если по ряду причин граф не стал той самой земле предавать Яна, он поставил себе целью его перевоспитать и сделать подходящим мужем для своей племянницы. Поэтому сейчас бывший циркач и уголовник, нарушивший не одну расстрельную статью уголовного кодекса, сбежавший в монастырь поработать старшим мастером стал вице-президентом крупной британской компании, занимавшейся антиквариатом.

Энергия текла ровно, окутывая росток, подпитывая корни, вливаясь в побеги и листья. Ян не забывал контролировать собственные силы: он не рвался в герои и не хотел работать в ущерб себе. Как опытный лекарь, он осознавал, сколько сил может потратить без ущерба для себя, и остановился, когда их лимит был исчерпан. Получилось даже неплохо.

Дин Ху

Дин не был прилежным учеником. Большинство его навыков и способностей оставались на уровне "что-то немного узнал", и магия Земли относилась к таковым. Но отец велел быть на занятии, а отца Дин обычно слушался.

Задание было интересным: внести свой вклад в историю монастыря, сделать так, чтобы часть твоей энергии стала дубом, который переживет тут всех. Дин уне было чуждо честолюбие. Он очень гордился, что его родители - первые ученики настоятеля и основатели Линь Ян Шо. И сегодня он хотел как минимум выглядеть сосредоточенным и старательным учеником, чтобы не позорить отца.

Дин сел на колени и положил ладони на землю перед собой. Он помнил, что Земля - красная Муладхара. Даже смог как следует представить, где находится эта чакра, и как течет её энергия. Сложнее было передать все это ростку, да еще и через почву. Многие маги уже начали работать, росток пробился и начал разрастаться, и Дин постарался сосредоточиться на самом дереве.

Иногда, когда нужно собраться с мыслями или не хватает сил, можно подойти к большому дереву в диком парке, прижаться к нему спиной и почувствовать, как оно делится своей энергией и дает ощущение опоры. Сейчас нужно было просто сделать наоборот. Дин подумал, как хочет, чтобы этот росток стремился ввысь и разрастался, представляя, как красная ци идет от его ладоней к деревцу.

Дин хотел, чтобы этот дуб стал огромным, ветвистым и сильным. Чтобы на него можно было забраться и сидеть с книгой или с подругой, непременно симпатичной. Как осенью его листья станут ярко-оранжевыми и будут держаться долго-долго,

даже тогда, когда облетят яблони и вишни. Как весной будут распускаться зеленые листья, а летом созревать желуди. Он старался представить как можно подробнее, каким будет этот огромный дуб, волшебный, чудесный, ведь столько магов дарят ему свои силы.

Эти мысли помогали сосредоточиться, чтобы хотелось согреть росток собственной теплой красной энергией, поделиться с ним своими жизненными силами, как когда-нибудь дерево будет делиться ими с тем, кто придет к нему, ища помощи. Дин взглянул на отца. Он и мама когда-то восстановили весь монастырь, починили постройки, привели в порядок дикий сад и парк глициний, приветствовали здесь первых жителей. Они были чуть старше, чем Дин сейчас, и вряд ли предполагали, каким станет Линь Ян Шо через двадцать лет. А каким он будет через сто? Дерево, которое сейчас росло, питаясь энергией учеников и мастеров монастыря, застанет это время. И, возможно, передаст весточку от тех, кто станет лишь частью истории этого места.

Энергия иссякала. Дин еще не умел концентрировать её достаточно хорошо, чтобы долго работать с магией Земли. Он все обещал себе, что будет тренироваться более прилежно, но все не доходили руки и не хватало времени. Сегодняшнее занятие хоть немного помогло позаниматься магией стихий, позволив вспомнить, какой тяжелой и в то же время теплой и успокаивающей может быть ци, которая собирается в Муладхаре. Земля основана на надежде, и лишь поэтому её внешним ключом становится стабильность.

Мао Чун

Весна в монастыре была спокойной, потому что мобильные телефоны принципиально, не ловили и можно было уехать на три-пять дней, чтобы никто не дергал. Кот не злоупотреблял этой возможностью, но в этот раз захотелось поправить нервы после пары нервных заданий большого босса.

О мастер-классе Гунмао узнал случайно. Он не владел ни магией Земли, ни офуда, поэтому пришел из любопытства и за компанию с Таем. Семейная идиллия: можно же отвести сына на развивающее занятие, пусть даже сыну уже под тридцать и учить и воспитывать его поздновато. И так понахватался лучшего.

Чин рассказывал о том, как работать с энергией Земли. Этого Кот не понимал абсолютно, для него это было почти как квантовая физика, о которой он знал только название. Офуда показалась проще. Гунмао надеялся, что его знаний хватит, чтобы написать без ошибок аж два иероглифа. В свое время он ограничился полным средним образованием, да и то не без активного контроля со стороны Тигра, поэтому сейчас без ошибок писал разве что собственное имя. Слова посложнее он обычно проверял в телефоне, если нужно было писать правильно, или писал как попало, потому что ближайшее окружение наловчилось понимать и так. Но тут был пример перед глазами написанный аж двумя разными шрифтами.

Кот взял лист бумаги и кисточку, обмакнул кисть в тушь и старательно написал имя Желтого императора, думая о том, что это поможет дереву расти быстрее, потому что заклинание каким-то образом этому помогало. Почерк у Гунмао тоже был так себе, до ровного кайши мастера Ньяо не дотягивал, но Кот старался. Хэн, точки и

откидные были такими, какими их бы нарисовал в прописях прилежный первоклассник.

Когда офуда была готова, Гунмао закопал её неподалеку от того места, где закапывал свои заклинания Ньяо. После этого он вытер кисть и стал дожидаться Тая. Тот в магии знал куда больше, и мог быть более полезен в выращивании дуба, чем пекинский фу шан шу.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Сонгцэн с интересом дожидался этого мастер-класса. Он много времени проводил в клане, где занятия были более однообразными, и возможность узнать что-то от мастеров Линь Ян Шо была очень важна. Здесь было много мастеров, в том числе мама, которой Сонгцэн вежливо поклонился, подойдя следом за Шэ Юэ.

Заданий было два. Мама и Юэ работали со стихией, но магия Земли Сонгцэну пока не давалась, в то время как основы офуда и каллиграфии он уже начинал усваивать. Он не слышал об этом заклинании, позволявшем ускорить рост растения, и решил, что потом как-нибудь более подробно расспросит о нем мастеров.

Сонгцэн сел за низкий столик, взял лист рисовой бумаги и кисть, расправил плечи и выровнял дыхание. Он окунул кисть в тушь, затем заточил её о край тушечницы, чтобы кончик был похож на наконечник копья, и очень аккуратно написал иероглифы Хуан Ди. Желтый император был легендой. Ему приписывалось создание основ врачевания. Он по легенде был едва ли не основателем Китайского государства.

Этот легендарный император был божеством, хотя некоторые путали его с исторической личностью - великим Цинем Шихуанди. Цинь Шихуанди объединил Китай, создал единую письменность и многое другое. Именно его посмертный покой охраняла терракотовая армия, а она, согласно легенде, была лишь одним из чудес гробницы, где саркофаг находился в озере из ртути, которое до сих пор не открыли.

Иероглиф "Хуан" означал желтый цвет, он был цветом вод реки Хуанхэ, но также цветом императорской власти и земли - срединной стихии. Желтый был цветом Поднебесной, Чжун Го, срединного государства. Иероглиф Ди имел несколько значений. Он мог означать как императора, так и божество, и Сонгцэну казалось, что второй смысл сегодня был более точным. В системе пяти элементов именно Желтый Император соответствовал стихии Земли, и его имя на офуда должно было действовать так же, как прямое воздействие энергией Муладхары на почву, в которой рос дуб.

Сонгцэн убрал кисть и задержал ладонь над еще влажными иероглифами. Он представил, как рисовая бумага растворится во влажной весенней почве, и сила офуда перейдет корням дерева, наполняя их силой. Он закопал лист в землю и отошел в сторону, чтобы понаблюдать, как работали остальные. В Линь Ян Шо собрались очень разные люди, с разными судьбами, разным мировоззрением. Многие из них передрались бы, столкнувшись где-то еще, а здесь они были заняты общим делом. И никто не руководил ими железной рукой, настоятель всегда был спокоен и дружелюбен. Не всегда для объединения людей нужны пламя, меч и воля Циня Шихуанди, иногда было куда важнее достучаться до сердец людей. Они

должны были чувствовать, что вносят свой вклад во что-то важное, а не подчиняются силе.

Сонгцэн принадлежал к королевскому роду клана Королевских Кобр. Он должен был рассуждать о таких вещах. Изучать историю, смотреть по сторонам, и делать выводы, чтобы найти ответы на очень сложные вопросы о том, как нужно было управлять людьми, чтобы не сделать их при этом несчастными. И ему было чему учиться у настоятеля Линь Ян Шо.

Тай Чун

Тай обычно не приезжал в монастырь даже на выходные, потому что предпочитал это время проводить с Ким Чжан, но мать настояла, что раз вся мужская часть этого семейства получила почти неделю отпуска, то она хочет провести ее вдали от всех дел и как можно ближе к Монастырю. Спорить с матерью Тай не стал, покорно приехал и покорно наслаждался отсутствием связи, электричества и прочих благ цивилизации, вроде кофемашины, полезность которой он уже давно успел оценить. Но здесь на самом деле было спокойно и можно было не думать о том, как там в Пекине идут дела - без него есть кому разобраться. Про мастер-класс ему рассказал вездесущий Тео, снова нахватавшийся новостей и сплетен по всему монастырю. Изначально Тай не планировал на него идти, потому что считал, что находится в том возрасте, когда самостоятельные занятия приносят больше пользы, чем упрашивание мастеров поделиться вековой мудростью, но в итоге решил, что почему бы не сходить, раз у него нет никаких других дел. Тем более, что отец изъявил желание посмотреть на людей и себя показать и тоже пойти в дикий парк.

Народу собралось довольно много, и много же - незнакомых ему лиц, но преобладающая масса обитателей оказалась ему известна. Тай кивнул Дину, поздоровался с мастерами и вежливо выслушал Чина, который рассказывал азы работы с магией Земли, хотя они были ему известны также, как его собственное имя. Тай присел на корточки неподалеку от того места, где Чин закопал желудь, положил ладони на землю и прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться на тяжелой, тягучей и неповоротливой энергии Муладхары. Подобно ленивой магме в глубине земной тверди, энергия красного цвета просыпалась, разгораясь все ярче. Тай редко отдавал энергию, чаще он приходил в дикий парк весной, чтобы забирать ее у просыпающейся природы, когда весенние соки только-только наполняют просыпающуюся от зимы почву. Он ложился на землю, прижимаясь к ней лопатками, закрывал глаза и неподвижно лежал так часами, словно сытая росамаха, греющаяся на солнышке.

Сейчас пришло время отдать все то, что он брал у земли, возвращая ей сторицей в виде огромного векового дуба. Обжигающе-горячая лава взметнулась из чакры, по рукам потекла в землю, мощным потоком насыщая желудь, уже превратившийся из семени в молодое тонкое деревце, еще хрупкое и слабое, но с каждой минутой набирающей все больше силы и стойкости. Магия Земли всегда была надежной и незыблемой, как этот будущий мощный дуб, который простоит здесь годы, десятилетия, а, может, и того дольше, когда вырастившие его люди, отдавшие ему свои силы, давно превратятся в кости и прах в этой же земле. Было что-то притягательно в мысли, что он оставит часть себя в воспоминаниях этой земли, этих корней и этого дерева, которое наверняка переживет их всех.

Тай истончил поток энергии до тонкой нитки только когда почувствовал, что отдал достаточно. Это было внутреннее чувство удовлетворения, что он сделал все, что мог сделать, внес свой вклад в общее дело, и сейчас мог гордиться результатом рук своих. Он все еще чувствовал вибрации чужой энергии, пронизывающей почву под руками, поэтому оторвал ладони от земли и отряхнул их. Можно было открыть глаза и оценить проделанную всеми обитателями работу.

Кортни Янг

Кортни относилась к когорте тех бравых балбесов, которые могут позволить себе с лёгким сердцем перекатываться с занятия на занятие и не особенно огорчаться своим неудачам, зато искренне радоваться успехам. За основу берётся мысль о том, что все на свете уметь невозможно, сверху щедро добавляется заниженная самооценка, говорящая о том, что конкретно ты, скорее всего, не умеешь почти ничего или уже открыла всё, что тебе было положено, и - *вуаля, вы восхитительны*. Можно спокойно принимать свою криворукость как должное и приходить в восторг, когда что-то наконец получается как надо. Именно эта лёгкость восприятия и позволила Кортни так нагло втереться на мастер-класс по офуда - науке, судя по отсутствию ажиотажа среди учеников, нелёгкой. Да не просто втереться, а ещё и никакого мандража и волнения толком не испытывать. *Ну, не получится ничего, может. Так и что ж с того? Отлучат от монастыря, что ли? Вот ещё. Пойду в другое место, вот что с того, и всех бед-то.*

Как Кортни, в принципе, и подозревала, люди в основном пришли козырять магией Земли, посягнувших на офуда смельчаков было немного. Янг присоединилась именно к компании последних, тоже урвала себе кусок бумаги и с вниманием уставилась на иероглифы, которые показывал сифу Ньяо. *Мама дорогая! Какая дикая плетенка, и вот это всё сейчас надо быстренько черкнуть? Тогда понятно, тогда я сейчас начну с того, что опозорюсь со своим шатким почерком. Нормально, поняла. Так и едем.*

Чертить иероглифы Кортни начала сосредоточенно, с полной отдачей, всеми мыслями вливаясь в то, как она желает помочь дереву подрасти немного быстрее. И почти тут же, в полном соответствии со своим "шатким почерком", одну черту Янг скривила и завалила набок, а вторую нанесла на бумагу в неположенную очередь. Девушка мгновенно решила, что вряд ли заклинание сработает, если оно написано через пень-колоду, даже со всей доступной любовью к деревьям в голове. Кортни воровато смяла испорченную бумажку в кулаке, бегло огляделась по сторонам, убедилась, что за этот косяк её не собираются немедленно выпороть, и протянула к себе новую, чистую полоску бумаги. На этот раз Янг основное внимание уделила иероглифам, поэтому думать про их чудодейственную силу пришлось по большей части позже. Кортни старательно думала, пока осторожно дула на надпись, чтобы высохли чернила. И пока несла заклинание к месту общей посадки бумажек, и пока аккуратно втыкала его в землю. *Очень надеюсь, что этот запоздалый вагон всё-таки успеет догнать основной паровоз. Иначе неудобно получится.*

Сказать, что смена времени года Ярине понравилась - это будет все равно что деликатно промолчать. Рыжая одесситка, ценившая тепло куда больше, чем холод, пребывала в перманентном восторге: смотрите-ка, на улице посветлело и даже поярчело. И уши больше не пытаются отмерзнуть начисто из-за того, что рассеянная хозяйка вывела их на улицу не под шапкой, это же радость.

А еще в более теплую погоду можно отважно ходить босиком. На мастер-классы ходить, например, чем не отличный пункт назначения.

Ключевое слово "босиком" всплыло не случайно. Ярина намеревалась продолжать потихоньку тренировать в себе магию Земли, а постоянный контакт со стихией в этом вроде как помогал. Во всяком случае, некоторые мудрые аксакалы тут ходили по монастырю без обуви почти беспрерывно, не подрезать у них эту заметную фишку было даже как-то невежливо. Поэтому Ярина рискнула и до места проведения мастер-класса добралась босая. Пока вроде ноги не отморозила, а там дальше виднее будет.

Людей на мастер-классе собралось много. Ярина на глазок прикинула, что сборы вот-вот переплюнут предыдущее занятие, если уже не переплюнули, удивлённо округлила глаза и, не сдержавшись, присвистнула. Это потом только вышло сообразить: а, ну да, все правильно. Две же дисциплины сразу, страждущих таки должно быть вообще в два раза больше, чем на прорицании. С этой цифрой мастер-класс пока не справлялся, но Ярина не сомневалась: всё будет, в самом скором времени, не извольте беспокоиться.

Твёрдо намереваясь поделить с будущим дубом всей любовью и заботой, какой сегодня только получится, а заодно и вроде как отпечатать в монастыре частичку себя на ближайшие пару десятков лет, Ярина села на землю поближе к будущему дереву, скрестила ноги и закрыла глаза, чтобы не отвлекаться на то, кто и с каким лицом тут рядом колдует. Коснувшись уже по-родному горячей энергии Муладхары, Ярина привычно свила её в стайку юрких змеек и послала их под землю, в сторону дуба, туда, где проклевывались и разрасталось корни.

Корни у будущего огромного дерева, думала одесситка, должны будут быть соответствующие. Широко раскинувшиеся под землёй, мощные, чтобы держать и питать такую махину. Увлёкшись этой идеей, Ярина полностью сконцентрировалась на корнях растения, стараясь напитать и укрепить своей энергией в первую очередь именно их. И совсем пропустила тот момент, когда выдохлась и не смогла столь же основательно поучаствовать и в остальном дереве. Ярина спохватилась, когда ей стало зябко. Осторожно поднялась, прерывая передачу своей энергии дереву, и впервые за день пожалела, что выперлась из жилого корпуса босая. А ведь сначала это такой хорошей идеей казалось.

Шэ Бао

Всем иногда нужно выбираться из своей пещеры. Даже постепенно стареющему барсу, слишком закопанному в собственные дела и собственные мысли последние несколько лет, чтобы часто показываться на публике, кроме как для ритуальных обязательных целей. Это случается с магами Земли - они с годами обрастают панцирной чешуей, которой закрываются от всего того кавардака, который представляет собой окружающий мир. И тем важнее и нужнее иногда из этого панциря выбираться. Благо и повод был хороший: Чин задумал большое дело для монастыря. Дело, которое напомнило Шэ их первые дни в Линь Ян Шо. Дни, прошедшие в тяжелом и изнуряющем труде ради чего-то, невообразимо большего, чем они сами. То, что вышло из этого, мягко скажем, разительно отличалось от того,

что Шэ в те дни себе представлял, ну да это отдельная долгая история.

Погода была... бодрящая. Весна только недавно начала вступать в свои права и температуры держались еще не слишком пригодные для многочасовых пленэров. Впрочем, Ирбис все равно решил пройтись босиком. Закаленный организм, пусть уже и начинавший показывать признаки старости, не слишком боялся холода, а родная стихия так чувствовалась только лучше.

Настоятель оказался на месте немного позже своего ученика, когда люди уже начали собираться. Было приятно видеть и опытных магов, и молодых учеников. Сил для этого предприятия потребуется прилично и каждый вклад будет важен и нужен, каким бы маленьким он ни был. Он недолго время скользил взглядом по присутствующим, выбирая себе место и заметив Шен, подошел к тигрице и коротко поклонился ей с мягкой улыбкой. Она, Руж и Айро были, пожалуй, самыми близкими ему людьми в этом кавардаке все эти годы, если не считать его собственных учеников, и было хорошо чувствовать и видеть их рядом. Чин и Ньяо закончили объяснения, предназначенные больше ученикам, и Шэ погрузился в работу. Ему не требовалось касаться земли руками. Нить красной энергии потянулась от основания позвоночника через таз и ноги в землю и зазмеила к тому месту, куда Чин посадил желудь, расширяясь, наполняясь силой и наполняя силой крохотное растение, давая силы пробиться через скорлупу. Землю не стоит торопить, природу не стоит торопить. Но иногда слегка подтолкнуть все-таки можно, а если таких толчков будет достаточно, то и дело сдвинется. Это не индивидуальный результат, в одиночку вырастить дерево за день никому не под силу, только всем вместе может получиться.

Шэ не знал, сколько времени так просидел. Он абстрагировался от всего остального мира вокруг, только изредка замечая, не геройствует ли рядом Шен. Постепенно его собственные ноги стали затекать, а спина и плечи наполнились тяжестью, словно на них стояла целая гора - верный признак того, что для одного раза магии, пожалуй, хватит. Ирбис открыл глаза, снова мягко улыбнулся тигрице, взглянул на результат общих усилий и дождавшись окончания занятия отправился обратно к себе. Нужно было дать себе немного отдохнуть.

Банкей По

Дел в монастыре с наступлением весны становилось невпроворот. Их и зимой-то было не так мало, но с началом потепления начиналась жаркая пора подготовки не только к многочисленным хозяйственным делам теплого времени года, но и к сельскохозяйственным делам. Впрочем, нет таких дел, которые нельзя было бы отложить сейчас на денек ради того, чтобы собраться всем вместе и сделать одно общее дело, которое будет жить еще долгие годы, если конечно, не спилят или не снесут. Выращивать дерево это вам не валуны двигать. Естественный ход вещей очень тонкая штука, торопить и толкать его надо аккуратно и без геройства и фанатизма. От каждого понемногу, по небольшому усилию. Каждый внесет свой вклад. Впрочем, Наставник магии Земли мог сделать чуть больше.

Медведь появился на назначенном месте чуть позже остальных и кажется пропустил даже часть объяснений. Он мельком оглядел собравшихся, в основном со спины, и не без удивления заметил в группе настоятеля. Мастер Бао нечасто теперь

появлялся на публике и Банкей то и дело занимался вопросом о том, чем же занят ирбис все это время. Впрочем, его присутствие никогда не бывает лишним или нежеланным, сегодняшнее дело не было исключением.

Когда занятие началось, Банкей отошел чуть в сторону, чтобы никому не помешать и никто не помешал ему. Там он опустился на одно колено, уперев правую стопу и обе руки в землю, чуть поморщившись от почти сразу пронзившего пальцы холода. Отбросив эту мысль, он сосредоточился на Манипуре, давая ее энергии подниматься вверх по позвоночнику в плечи и руки, и направляя второй поток наоборот вниз, через ступню. Три потока переплелись под ним, пока не образовали небольшой вихрь. Только тогда Банкей направил энергию к ростку. Тот уже начинал проклевываться сквозь скорлупу желудя, По это чувствовал. Нужно было только немножко его подстегнуть и "воодушевить". Только мягче и нежнее, не торопиться и не торопить стихию. И не давать ей растворить тебя, забрав слишком много. Таз стал тяжелее и Банкей порадовался, что не стал садиться. Тяжелая, тягучая усталость постепенно распространялась, расплзаясь в колени и плечи, те начинали ныть и словно скрипеть под тяжестью. Еще немного, чуть-чуть подпитки. Поясница начинает ныть.. хватит.

По сел и скрестил руки на груди, восстанавливая дыхание. Дело сделано, по крайней мере настолько, насколько он сам был в силах.

Катара

Катара была очень рада внезапному возобновлению мастер-классов. Причём они не заканчивались на одном реденьком мастер-классе, собравшем едва ли с полдесятка желающих. Ученики толпами собирались, не пропуская ни единого мастер-класса. Но Катара выбрала только этот - по выращиванию дуба. Ей показалось, что и она со своими недюжими способностями могла внести какую-то лепту. Конечно, в первую очередь будут цениться труды таких великих магов земли, как сифу Адлер, сифу Лю и прочих мастеров, а с учеников толку было немного, даже если бы все ученики Храма собрались, вряд ли бы они затмили труд одного настоящего мага земли. И тем не менее - девушка когда-то выращивала растения в горшочках с помощью этой поначалу чужой стихии, и сегодня она попытается вспомнить, как общаться с противоположной твоей природе стихией.

Она поздоровалась с обоими мастерами. Сама задумка двоякого подхода к выращиванию дуба - через, непосредственно, магию земли, и через офуда - заклинания, с которыми девушка никогда ранее не встречалась : они казались ей какими-то опасными, Посему она даже не пыталась понять их суть, разобраться в них получше, может, даже, вплотную увлечься ими. Ей было довольно любопытно, сколько человек пойдёт этим способом. Но она точно была не среди них.

Она подошла к земле. Присела на корточки. Положила руки на землю. Глубоко вдохнула. Села, ноги в полусогнутых. Так она чувствовала землю лучше. Подумала о Муладхаре. Сосредоточила всё внимание на ней. Почувствовала, как чакра активизировалась. Неприятное ощущение тяжести в копчике возникло очень скоро. Катара старалась изо всех сил, прекрасно понимая, что дуб вырос бы и без её потуг, но всё равно выкладываясь на максимум. Ещё чуточку энергии... Через стопы она

передавала энергию росту; конечности уже начинали гудеть. Она перестала только тогда, когда почувствовала настолько сильную слабость, что сил хватило бы едва-едва на то, чтобы завалиться на кровать полумёртвым сном. Она прекратила подпитку роста, всё ещё оставаясь на земле, постепенно приходя в себя.

Ингрид Расмуссен

Одной из отличительных черт Ингрид было то, что датчанке зачастую было наплевать - наплевать на то, кто и что о ней подумает. Расмуссен знала, что у окружающих ее людей постепенно складывается о ней мнение, и оно может в конечном итоге оказаться негативным, но относилась к этому знанию с абсолютным равнодушием, делая исключение лишь для тех немногих людей, чье мнение ее действительно волновало. В эту категорию попадал мастер Придд, на которого Ингрид очень рассчитывала в тренировках по фехтованию и потому, естественно, не желала портить с мастером отношения, да с боем прорывался упрямый Арно, не желавший понимать, что никакой нужды в нем девушка не испытывает, вот и все.

В свете такой расстановки приоритетов - для Ингрид было абсолютно ерундовой задачей ворваться на мероприятие, в которое она может вложить лишь жалкие доли процентов труда от общей суммы усилий и на котором, весьма вероятно, ее совершенно не ждут. Даже если мероприятие прикрыто приглашающим словом "мастер-класс".

Конечно, в любой момент можно было сменить курс и малодушно дезертировать к столику с офуда, где не так видно, бесполезная ты туфля или офицерский хромовый сапог. Расмуссен себе так бегать не позволила, пройдя к группе людей, работающих с магией Земли, и имея на лице такое уверенное выражение, словно датчанка если и уступает мастерам в магической силе, то лишь совсем немного, на считанные шаги.

Тогда как на самом деле, конечно, там пока была пропасть.

Точно так же, как и многие люди вокруг нее, Ингрид присела на корточки и положила ладони на землю. Вломиться и зафиксироваться - это все было самым простым. Теперь оставалось начать колдовать, хотя с колдовством у Расмуссен было как раз плохо, это умение казалось ей плохо ощутимым и слишком эфемерным. Возможно, девушке повезло, что в качестве магической стихии ей как-то сама собой досталась земля - самая плотная, тяжелая, самая осязаемая из всех возможных стихий. Сосредоточившись на красной чакре, Ингрид по еще малозаметному, но постепенно нарастающему ощущению слабости поняла, что ее энергия начинает уходить в землю, и постаралась взять алый поток под свой контроль и направить его в нужную сторону, чтобы действительно работать вместе со всеми и вкладывать свою энергию в рост дерева, но получалось плохо. Тем не менее, Расмуссен упорно продолжала делать что делала, считая, что она вроде бы одновременно и учится, - и так пока девушка не почувствовала, что выдыхается. Тогда Ингрид выпрямилась, критическим взглядом осмотрела дерево, на которое, похоже, ее старания почти никак не повлияли, и вынесла очевидный вердикт: надо больше тренироваться, а не заскакивать на мимопроходящие мастер-классы по случаю, вот и вся хитрость.

Анна-Лиза Саволайнен

Идея с выращиванием дуба Анне-Лизе нравится. Это звучит гордо, красиво, масштабно. Если не сказать более - величественно звучит. И очень быстро Саволайнен понимает, что да, она хочет ходить по монастырю и с полным основанием говорить: "мы вырастили дуб! огромный!"

То, что развитые в совершенно ином направлении магические способности не позволяют ей оказать монастырю посильную помощь в этом масштабном начинании, Анну-Лизу, как обычно, ничуть не беспокоит.

Вот то, что Саволайнен не знает, за что взяться, потому что одинаково ничего не смыслит и в той, и в другой магии - это да, проблема. Но не очень большая.

Когда Анна-Лиза приходит на поляну, там уже столпотворение, ещё немного, и такими темпами скоро придётся не дубы выращивать, а траву заново. Саволайнен с сомнением смотрит на столик, где пишут заклинания офуда, и решает, что на каллиграфический почерк её сейчас не тянет. Отнюдь не потому, что она до сих пор нетвердо знает китайский, с этим девушка ни за что на свете не согласится. Просто нет желания аккуратничать. Поэтому от офуда Саволайнен отказывается, уходит к той группе людей, что козыряют магией Земли, садится на траву и вытягивает ноги, в первую очередь получая удовольствие от того, что она тусует на природе в не самую плохую погоду, а уж только потом намереваясь расстраиваться от того, как у неё будет что-то получаться или не получаться.

А получается, откровенно говоря, далеко не шикарно. Всеми силами стараясь думать о том, какая у неё есть замечательная чакра и как отлично ею можно пользоваться, Анна-Лиза время от времени чувствует, как в основании позвоночника начинает брезжить тепло, но это даже на ощущение "горячо" не тянет, где уж там дубы этим теплом питать. Ничуть не расстраиваясь, Саволайнен пожимает плечами и продолжает просто сидеть. Наслаждается погодой, свежим воздухом и тем, как другие работают.

Лесли Флетчер

Флетчер появился на мастер-классе строго потому, что посчитал это своей обязанностью. Дуб, который станет новой достопримечательностью монастыря и к которому по возможности прикладывают руку все обитатели монастыря - в понимании шотландца, это общее условно-добровольное дело. Точно такое же, как занятия и как встречи учеников, которые Лесли вменял себе в обязанность. Даже схема была той же самой, ничем не отличавшейся: Флетчер мог сделать то, что от него в этой ситуации требовалось, и тут же переходил от "можно" к "необходимо", без каких-либо промежуточных состояний.

Тяжеловозом из тех, что способны в одиночку взрастить огромный дуб на своих лишь плечах, шотландец себя не считал, трезво оценивая свои способности. Но относил себя к той группе крепких середнячков, чей вклад тоже будет ощутим и важен. Опустившись на колени, Флетчер коснулся почвы сперва кончиками пальцев, ознакомительно, прощупывая, и только потом основательно приложился всеми ладонями, так глубоко оттискивая пальцы в земле, словно пытался сразу же взять стихию под свой контроль. Хотя знал заранее: не получится. Стихия не та. Скала и не подумает сдвинуться от того, что в неё на лету случайно врезался воробей.

В таких ситуациях шотландца немало выручал настырный характер и привычка гнуть свою линию, даже если кажется, что смысла в этом нет. Землю не нужно было понукать, с ней следовало терпеливо договариваться - и Лесли обращался к ней снова и снова, с дотошностью дятла, долбящего на треугольнике одну и ту же ноту. Раз за разом пропускал через ладони красную энергию, пронизывал и насыщал ею почву рядом с деревом, вглубь и вширь. Чтобы каждый миллиметр земли, которого касается пока ещё тонкий и маленький росток, был готов поделиться с ним силой. Осторожными, но настойчивыми прикосновениями Лесли направлял стихию, уговаривая её: только-только проклюнувшийся дубок - это самый правильный выход

для излишков силы. А силы собравшиеся на поляне маги монастыря пропускали через почву даже больше, чем просто много.

Лесли остановился, когда у него заломило пальцы - первый верный признак того, что энергии чакра отдала немало. Усталость быстро расползлась по телу, отдаваясь неприятным эхом в основании позвоночника. Флетчер неторопливо растер похолодевшие пальцы, размазывая землю по ладоням. Несмотря на всю свою усталость, умирающим себя шотландец отнюдь не чувствовал - стало быть, можно вести себя спокойно, так, как будто никакого кровопускания чакре только что не произошло.

Чин Ху

Магов Земли было больше, чем тех, кто работал с офуда, но все старались в меру своих сил. Энергия наполняла росток силами. Сначала он просто пробился вверх, затем стал разрастаться, наполняясь энергией, которой щедро делились маги. Почва буквально гудела от потоков красной ци, текшей к желудю, быстро ставшему ростком. Вглубь вгрызались сильные корни, росшие по мере того, как разрастались ветви. Ствол становился толще, широкие корявые ветви, похожие на лапы, тянулись в разные стороны, и некоторые даже склонялись к земле. На ветках набухали сочные весенние почки. Уже сейчас дуб поражал своими размерами, а закопанные в землю листы с офуда еще даже не начали действовать. Через пару дней дерево станет еще больше, еще величественнее.

Чин был рад тому, как прошел этот мастер-класс. Для него было большой честью, что пришли старшие мастера и даже сифу, но еще больше он радовался молодым ученикам и обитателям, чьи пути привели их в Линь Ян Шо не так давно, но кто сегодня внес свой вклад в историю этого места.

Ученик ирбиса встал и поклонился всем собравшимся, поблагодарив их за работу. После чего он дождался Дина и вместе с ним отправился домой.

Мастер-класс закрыт. Добро пожаловать [в новую локацию](#).
